

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

О ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ В ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЕКЦИИ

В возникновении местных вариантов русского литературного языка (как и всякого другого) определенная роль принадлежит так называемому «фактору пространства». Обширность и прерывность территории распространения языка затрудняют и даже исключают постоянные связи между всеми членами данного национально-языкового коллектива, обладающими различными речевыми навыками. Общественный контроль, сдерживающая сила массовой речевой практики («Dictatur des Verkehrs», по удачному выражению Л. Йордана)¹ не могут в таких условиях проявить себя, и в различных, часто отдаленных друг от друга районах распространения языка появляются те или иные черты своеобразия или местные «отступления» от общелитературной нормы.

Такие культурные силы социального объединения, как школа, печать, радио, различные виды сценической речи, работа по нормализации произношения, грамматики, лексики и пр., еще не гарантируют полного единообразия литературного языка и не избавляют его от областных вариантов, иначе говоря — от появления некоторой местной (не всегда диалектной) окраски.

Отдельные черты местного своеобразия литературной речи подмечались многими лингвистами. Так, акад. А. А. Шахматов в своем «Очерке современного русского литературного языка» выделил главу о диалектных элементах, встречающихся в речи литературно образованных людей. Напомним в этой связи и слова И. А. Лунделя, который писал, что «язык образованных классов... изменяется в различных провинциальных чертами, свойственными говорам»². А. И. Томсон также признавал «всякий действительный язык... несколько диалектовыми»³. На колебания в речи «образованных людей, говорящих языком лите-

ратурным», указывал и Ф. Корш, подметивший в этом факте воздействие различных областных наречий⁴, и многие другие.

В представлениях лингвистов об общерусской прописительной норме не было единства. Одни (и это была традиционная точка зрения) считали выражением такой нормы «московский говор». Другие же признавали, что роль общерусского образца принадлежит говору «северной столицы» — Петербургу.

Акад. С. П. Обнорский в рецензии на грамматику Р. И. Кошутича возражал против ориентации последнего на московскую норму произношения. «Перед автором, — писал С. П. Обнорский, — был живой литературный язык двух столиц — Москвы, Петрограда, язык не одинаковый, один — акающий, другой — „умеренно“ акающий. Спрашивается, какой из них естественнее было бы положить в основу грамматики? Прямой ответ был бы один: тот, к которому более примыкает язык русских писателей, ибо последний служит и должен служить одинаково ценным источником для грамматики, как и живой (разговорный) язык. Не приходится доказывать, что язык наших писателей есть язык северной столицы, не язык Москвы. Соответствующий живой язык и должен служить основным фоном русской современной грамматики. Между тем у Р. И. Кошутича положение вещей оказывается обратным. В основу грамматики вошла речь Москвы, и ее по необходимости иллюстрируют факты языка русских писателей, по большей части не москвичей, живших в столице Севера или тянувших к ней». С. П. Обнорский говорил о неясности причин, побудивших Р. И. Кошутича «живой говор Москвы сочетать с литературным языком русских писателей»⁵.

В своих многочисленных работах по фонетике современного русского литератур-

¹ L. Jordan, Sprache und Gesellschaft, «Hauptprobleme der Soziologie» (Erinnerungsgabe für M. Weber), Bd. 1, München — Leipzig, 1923, стр. 344.

² И. Лундель, Об изучении говоров, «Изв. Русск. географич. об-ва», т. XXII, Приложение, СПб., 1887, стр. 4.

³ А. И. Томсон, Общее языковедение, Одесса, 1910, стр. 375.

⁴ Ф. Корш, О русском народном стихосложении, сб. ОРЯС, т. LXVII, № 8, 1901, стр. 46; см. об этом еще: Я. Грот, Филологические разыскания, т. 1, СПб., 1876, стр. 405.

⁵ С. П. Обнорский, [рец. на кн.]: Р. И. Кошутич, Грамматика русского языка, ИОРЯС, т. XXI, кн. 1, 1916, стр. 321—322.

ного языка и физиологии общерусского произношения В. А. Богородицкий отмечал различия живого литературного языка в разных местностях и опирался не на московскую норму, а на более пейтральную разновидность литературного языка, которую он называл «восточнорусской вариацией»¹.

Различая «диалектические вариации на фоне общерусского произношения»², В. А. Богородицкий, по-видимому, также считал, что нормы общерусского произношения выработывались не в Москве, а в Петербурге. Правда, в «московском наречии» В. А. Богородицкий видел историческую основу русской литературной речи. Но он полагал, что с переходом столицы в Петербург, куда был перенесен и московский говор, последний видоизменялся и сближался с другими русскими наречиями. Так постепенно формировалось произношение «общерусского языка». По мнению В. А. Богородицкого, прежнее, более чистое московское наречие, сохраняясь в городском говоре, развивало и дальше свои особенности, но в этом позднейшем своем виде оно уже не может считаться образцовым, относясь к диалектическим вариациям общерусского произношения³. Впоследствии эта мысль нашла себе дополнительное обоснование в работах Р. И. Аванесова, С. И. Бернштейна, С. И. Ожегова, Д. Н. Ушакова, Л. В. Щербы и др.

Конечно, когда говорят о московском или петербургском «наречиях», имеют в виду речь образованных людей, городской интеллигенции — тех социальных групп, из которых создавалась «цивилизованная среда» столичных центров. Что же касается общей массовой речи жителей двух столиц, то она была далека от полного воплощения правил литературного употребления вследствие большой пестроты городского населения. Основываясь на этом обстоятельстве, еще Болтин высказывался против предпочтения московского наречия. «Нельзя сказать вообще, что наречие московское прочим предпочитать дозволено, ибо в числе речений, московскими уреченцами употребляемых, есть многие изуродованные, непригодные и устранявшиеся от чистого языка и от правильного выговора», — говорил Болтин при обсуждении плана словаря Академии Российской⁴.

Даже в московские школы проникала стихия народных говоров. Наблюдения

показывали, что в школах Москвы встречалось оканье, еканье и другие отклонения от московской образцовой речи, причем здесь обнаруживалось «удивительное равнодушие и пренебрежение к тому, что называется чистым русским произношением»⁵.

И петербургское «наречие», более книжное, чем московское, воплощающее в себе умеренно акающую разновидность разговорного литературного языка, далеко не было «образцовым» в устах разных социальных групп горожан. Судя по некоторым отрывочным наблюдениям, в наречии Петербурга намечалось появление таких черт, которые создавали его «местную окраску». К сожалению, лексические варианты типа московского *тротуар*, петербургского *панель*, московского *сапоги* (определенный вид обуви), *ручка* (для письма) и петербургского *сапоги* (всякая мужская обувь), *вставочка* (орудие письма) и пр.⁶ остались совсем не изученными. В. И. Чернышев привел несколько особенностей речи населения этого города⁷. С. И. Ожегов справедливо называл один из них «вариантами московской нормы произношения», другие — «диалектными, просторечными и иноязычными по происхождению отклонениями, мало свойственными литературно говорящим людям и всегда возможными в городах с пестрым населением»⁸. Но к такого рода фактам возможен и иной подход, если принять в расчет, что разговорная речь горожан, не являющихся носителями местных диалектов, обладает некоторыми чертами своеобразия. В данном случае уместно поставить вопрос: не может ли быть хотя бы часть отмеченных В. И. Чернышевым особенностей речи жителей Петербурга как раз показателем ее «местной окраски»?

Рассматривая проблему областных вариантов русского литературного языка, нельзя обойти вопрос об исторически сложившихся и изменяющихся отношениях между литературной и народной разговорной (местной диалектной) речью. История русского литературного языка представляется неуклонным процессом его национальной демократизации, и в этом плане массовые территориальные говоры выступают источником обогащения литературного языка новыми средствами выражения. Областное становится литератур-

¹ В. А. Богородицкий, Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных, Казань, 1930, стр. 4, примеч. 1.

² В. А. Богородицкий, Общий курс русской грамматики, 5-е изд., М.—Л., 1935, стр. 2.

³ См. еще Е. Ф. Б у д д е, [рец. на кн.]: В. А. Богородицкий, Общий курс русской грамматики, ИОРЯС, т. X, кн. 1, 1905, стр. 419.

⁴ Цитируем по кн.: А. Н. Пыпин, История русской этнографии, т. I, СПб., 1890, стр. 188.

⁵ А. И т а л и н с к и й, Происхождение, свойства и особенности правильной русской речи, М., 1913, стр. 4. О смешанном характере московского наречия см.: В. И. Чернышев, Несколько указаний на московское наречие в конце XVIII в., РФВ, т. 51, № 1—2, 1904.

⁶ Последние два примера сообщены нам Ф. П. Филиным.

⁷ В. И. Чернышев, «Как говорят в Петербурге», сб. «Голос и речь», №№ 1, 2, [СПб.], 1913.

⁸ С. И. Ожегов, Очередные вопросы культуры речи, сб. «Вопросы культуры речи», 1, М., 1955, стр. 17, примеч. 2.

но нормализованным, внелитературное подлучает качество «литературности»¹.

*

Проблема областных вариантов литературного языка оказывается до известной степени связанной с более широкой, но вместе с тем и специальной задачей изучения языка города. Наблюдатели неизменно признавали «печать образованности» (Н. Надеждин²), «приближение к языку литературному или образованному»³ отличительной чертой языка городов. В нивелирующем воздействии языка городов видели разрушение целостности местных народных говоров. Литературный язык, развивавшийся на основе городской культуры, по понятным причинам не привлекался для особого изучения в научных трудах, имеющих историко-языковую, диалектологическую и этнографическую ориентацию.

Прежде всего обнаруживались сближения некоторых традиционных крестьянских говоров с говором неоднородного по социальному составу мещанского слоя городского населения (ремесленников, торговцев, части мелких служащих и пр.). Один из наблюдателей отмечал весьма интенсивную посредническую роль мещанских говоров в языковом сближении города и деревни⁴. Мещанские говоры представляют собой смесь местных диалектных элементов (сглаженных и лишенных наиболее ярких областных признаков) с элементами разговорного литературного языка, иногда искаженного. Говоры эти распространялись среди крестьянского населения посредством его «подвижных групп» в районах, тяготеющих к городскому центру, в торговых пунктах, фабричных поселках, селах, на больших дорогах и пр.⁵ В отдельных случаях отме-

чалось и сильное отличие языка рабочих от языка крестьян⁶.

Проблема языка города обычно мыслится в плане исследования его социальных диалектов или «в общем изучении диалектологии»⁷. Ссылаясь на Л. Сенезана⁸ как на зачинателя научной разработки языка города, Б. А. Ларин замечает, что научная традиция в изучении такого сложного конгломерата, каким является язык городского населения, еще не сложилась⁹. Причину этого автор видит в предпочтительном внимании к литературным языкам, которые рассматривались вне языкового быта. Интересуясь прежде всего городскими аргю, Б. А. Ларин правильно замечает обычное игнорирование таких источников, воздействующих на становление литературной языковой нормы, как городской фольклор, неканонизовавшие виды письменного языка, разговорная речь разных групп городского населения¹⁰.

Что же касается городских наречий (städtische Mundarten) в их специфических чертах или отношениях к местной диалектной среде, то их изучение имеет довольно богатую традицию, особенно в немецком языкознании¹¹.

Социально-диалектная характеристика языка города направлена на установление отдельных лингвистических групп (аргю, профессиональных и социальных диалектов) весьма пестрого по составу городского населения. Если же обратить внимание на общую форму языка, объединяющего все группы горожан, то можно установить некий вид разговорной речи, состоящий из элементов общелитературных и просторечных, к которым могут примешиваться также черты местные, областные. Возможны и вариации общего разговорного языка

¹ В этой связи привлекают к себе внимание, например, некоторые лексикологические разыскания В. В. Виноградова. Назовем здесь и работу Н. П. Грицковой «Об областных словах в современном русском литературном языке» («Уч. зап. ЛГУ им. А. И. Герцена»), т. 122. Кафедра русск. языка, 1956) и др.

² Н. И. Надеждин, Великая Россия, «Энциклопедический лексикон», т. IX, СПб., 1837, стр. 275.

³ Е. Б уд д е, К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора, Варшава, 1892, стр. 3.

⁴ См. В. И. Тростянский, К изучению местных говоров в Воронежской губернии, сб. ОРЯС, т. XCV, № 2, 1916, стр. 1—4; см. еще Д. К. Зеленин, Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию, сб. ОРЯС, т. LXXVI, № 2, 1903.

⁵ Ср. Н. Н. Дурново, Диалектологическая карта Калужской губернии, сб. ОРЯС, т. LXXVI, № 1, 1903, стр. 22—25. Ср. также Н. М. Каринский, О говорах восточной половины Бронницкого уезда, ИОРЯС, т. VIII, кн. 1, 1903.

⁶ См. Н. С о к о л о в, Отчет о поездке в Мелековский и Судогодский уезды Владимирской губ. летом 1907 г., «Труды Московск. диалектологич. комиссии», вып. 1, Варшава, 1908, стр. 122.

⁷ С. П. Обнорский, Итоги научного изучения русского языка, «Уч. зап. ЛГУ», вып. 106, 1946, стр. 19.

⁸ L. S a i n é a n, Le langage parisien au XIX-e siècle, Paris, 1920.

⁹ Б. А. Л а р и н, О лингвистическом изучении города, сб. «Русская речь», под ред. Л. В. Щербя, Новая серия, III, Л., 1928, стр. 68.

¹⁰ См. Б. А. Л а р и н, указ. соч., стр. 61—62.

¹¹ См. А. В а с с е, Zum Problem der Stadtmundarten, «Teuthonista. Zeitschr. für deutsche Dialektforschung und Sprachwissenschaft», Hf. 1, Bonn — Leipzig, 1924—1925; A. L a s c h, «Berlinisch». Eine berlinische Sprachgeschichte, Berlin, [1926]; R. L ö w e, Die Dialektmischung im magdeburgischen Gebiete (Niederdeutsche Jahrbuch, Bd. 14, 1888); O. S e x a u e r, Die Mundart von Porphzheim, Leipzig, 1927; W. M ü l l e r, Untersuchungen zum Vokalismus der stadt- und landkölnischen Mundart, Bonn, 1912, и др.

города, зависящие, например, от различия в уровне образования разных групп городских жителей и пр. Поэтому в конкретных своих выявленных общий разговорный язык горожан неизбежно будет находиться в различных отношениях к литературно-языковой норме и к внелитературным (например, областным) речевым средствам. Важно еще учесть, что природа разговорного стиля речи дает простор для всяческих отступлений от канонизированных форм литературного выражения и что в бытовой, обиходно-разговорной речи людей, владеющих нормами письменно-литературного употребления, широкое использование средств просторечия и местных говоров в отдельных случаях приводит к переходу (на базе разговорного стиля) литературно-нормализованной формы в областную, не обладающую качествами литературности. Степени приближения или перехода разговорной речи к народному «низовому» говору (*la langue populaire*), к полудиалекту могут быть различными, так же как различны и степени ее приближения к литературным языковым нормам¹.

Если образцовый литературный язык не является общей разговорной речью горожан прежде всего потому, что разговорный речевой стиль плохо уживается с нормативностью, то этим ничуть не подрывается престиж самой литературной нормы. Она не утрачивает значения всеобщего образца, объединяющего всех носителей данного языка (в том числе и горожан), образца, неодинаково реализуемого в разных видах устной, а также письменной речи.

Иногда считают, что областная окраска создается главным образом за счет фонетических явлений и особенно при усвоении литературного языка носителями местных диалектов, которые сохраняют прежнюю артикуляционную базу, накладывающую свой отпечаток на произношение². Но в действительности фонетические явления выступают не единственными, а нередко и не главным показателем местной окраски литературного языка. В разговорную речь образованных людей иногда при определенной ситуации проникают отдельные явления грамматики, а особенно лексики местных народных говоров. Ж. Вандриес по этому поводу писал: «... если случайно в общепользовательский язык войдет несколько слов из местного говора, то это не остатки старого диалекта и не начало образования нового диалекта, — это только местный облик общего языка»³.

*

До сего времени мы говорили о региональных разновидностях общего литера-

турного языка, создаваемых за счет включения в него тех или иных признаков местных диалектов. Но местные различия (*Die örtliche Unterschiede*) литературного языка могут и не иметь источников в народной диалектной среде. Тогда они являются только вариантами литературной нормы. Здесь уместно остановиться на ряде наблюдений и выводов, сделанных по материалам немецкого разговорного литературного языка П. Кречмером. Исследователь установил господство единства в склонении и спряжении, отметил ландшафтные отличия синтаксиса литературной разговорной речи (*landschaftliche Unterschiede syntaktischer Art*), а также довольно многочисленные и более всего известные различия в звуковой области⁴. Но главной целью его разысканий была география слов немецкого литературного языка.

Исследование географического распространения лексики немецкого обиходно-разговорного (литературного в основе) языка помогло выяснить, что его словарный состав далек от единства. П. Кречмер установил на фактах языка жителей Вены и Берлина географические варианты лексики. Автор подчеркивал, что варианты типа *Fuß* и *Bein*, *Schuh* и *Stiefel*, *Treppe* и *Stiege*, *Sonabend* и *Samstag* или *legen* и *kehren* полностью стоят в пределах литературной лексики, входя в состав синонимических средств языка, и что нет оснований объяснять их происхождение воздействием местной диалектной среды⁵.

Основываясь на стилистической группировке, намеченной еще И. К. Аделунгом и принятой в некоторых вариациями или в более детализированном виде другими авторами (например, Л. В. Щербой, И. А. Бодуэном де Куртене, Л. Блумфилдом), П. Кречмер различал несколько основных видов произносимой речи по ее отношению не только к общелитературной норме языка, но и к стихиям областных диалектов. Наиболее полно воплощаются нормы литературного языка в речах с трибуны, в публичных выступлениях (*Vortrags-sprache*, *Öffentlichkeits-sprache*). Это самый «высокий» вид устной речи, не допускающий каких-либо отклонений в сторону местных народных говоров. В двух других видах устной речи людей, владеющих нормами письменно-литературного употребления, принципиально не исключена возможность различных нарушений литературно-языкового канона, а среди них и использование разнообразных средств выражения, присущих местным диалектам. Сюда относятся деловая речь, «беседы в обществе» (*die Verkehrs-sprache*) как «средний» речевой стиль и, наконец, семейно-бытовая речь, принятая в домашней обстановке и в кругу близких людей (*Die familiäre Sprache*), наиболее терпимо от-

¹ Ср. O. Rudolph, Über die verschiedenen Abstufungen der darmstädter Mundart, «Hessische Blätter für Volkskunde», Bd. XXVI, Giessen, 1928.

² См. А. И. Томсон, указ. соч., стр. 376.

³ Ж. Вандриес, Язык. Лингвистическое введение в историю, М., 1937, стр. 248.

⁴ См. P. Kretschmer, Wortgeographie der hochdeutschen Umgangssprache, Göttingen, 1918.

⁵ P. Kretschmer, указ. соч., стр. 1.

носящаяся к тому, что создает ее областную окраску и что сближает ее с речью носителей местных диалектов.

П. Кречмер, характеризуя явления речевой практики, особенно не расширял рамок «внеязыковой реальности», в которой осуществляется речевой акт и от которой зависит выбор определенных средств речевого выражения. В частности, например, можно было бы признать, что состав и соотношение компонентов того же разговорного стиля будут различными в разных ситуациях и при использовании его людьми с различной «языковой биографией», т. е. имеющими разное отношение к литературному языку или к местной диалектной среде, и что так создаются разные степени «литературности» и «диалектности» разговорной речи¹.

Границы между диалектно окрашенным литературным разговорным языком и местным диалектом, испытавшим сильное воздействие литературного языка, вряд ли можно установить на основе «количественного критерия», определения какого-то числа диалектизмов, которые, будучи включены в разговорную речь, оставляют ее в пределах литературного языка. Но нам кажется небесполезным при характеристике разговорной речи, занимающей пограничное положение между литературным языком и территориальными говорами, рассматривать ее в конкретных отношениях к литературному языку с его стилями или местному говору с его функциональными разновидностями. Тогда обнаружится, что разговорная литературная речь, диалектно окрашенная, может быть при определенных условиях «низким стилем» речи тех, кто в общем владеет нормами письменнолитературного употребления. Наоборот, местная диалектная речь, литературно окрашенная, выступит «высоким стилем» речи людей, владеющих местным диалектом.

*

Практика использования местных диалектизмов в устной и в некоторых видах письменной речи обычно расценивается с позиций строго нормативных. Против этих явлений живого речевого быта объявляется борьба, полезность и эффективность которой зависит от того, насколько прочны ее научные теоретические основы. Прошлый, а отчасти и современный опыт работ по культуре речи не всегда расценивают сомнения на сей счет. Упомянем,

¹ Наблюдатели не раз подмечали появление диалектизмов у тех, кто, владея местным говором как своим материнским языком, усвоил литературный язык и кто в письменной практике и в публичных выступлениях строго придерживается его норм. Обращение к диалектизмам у этих лиц бывает в случаях аффектированной речи, когда ослабляется над ней контроль говорящего, или же оно вызывается определенной ситуацией, например условиями семейного быта, обращением к слушателям, владеющим только данным местным диалектом, и пр.

например, «Опыт словаря неправильностей...» В. Долопчева² или «Словарь неправильных, трудных и сомнительных слов...» И. И. Огиенко³. Некоторые авторы оценивают местную диалектную окраску литературного языка только как его порчу и даже как «искажение», что смещает историческую перспективу в характеристике фактов языка и вообще снимает проблему диалектизмов в их отношении к разным речевым стилям, к литературному языку, который постоянно и неразрывно связан с народноразговорной стихией.

Местные варианты русского литературного языка создавались в результате сложных исторических процессов, которые не приводили к возникновению новой языковой единицы, существенно отличной от системы языка литературного, но которые вызывали в отдельных моментах сближение литературного языка с областными диалектами. Процесс этот схематически рисуется следующим образом. В исторически сложившихся условиях сильной централизации культуры московское наречие как образное распространялось на обширной территории русского языка. Издавна оно оказывало заметное воздействие на крестьянские диалекты также и в районах, далеко отстоящих от столичного центра. Можно думать, что влияние это не всегда было непосредственным, но что оно шло еще и от областных очагов культуры как «вторичных» языковых центров. Образованная часть населения областных городов не всегда полностью перенимала московскую речевую модель, особенно если материнским языком говорящих был какой-либо из местных диалектов. Кроме того, местные диалектные наслоения языка образованных горожан возникали в результате общения с крестьянами — носителями местных диалектов. Впрочем диалектизмы могли усваиваться и в процессе внутригородских связей, потому что среди городских жителей были такие, для которых местная диалектная форма являлась (чаще всего без резко выраженных диалектных признаков) основной формой общения. Таким путем некоторые элементы народных говоров получали доступ прежде всего в разговорную речь образованной части населения городов⁴.

² В. Долопчев, Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи (преимущественно в Южной России), Одесса, 1886. См. рецензию на него в РФВ, т. XV, № 2, 1886.

³ И. И. Огиенко, Словарь неправильных, трудных и сомнительных слов, синонимов и выражений в русской разговорной речи (преимущественно Юго-Западного края), Киев, 1911. См. рецензию Н. М. Карпинского в ЖМНП (Новая серия, 1911, август). О названных словарях см. также в указанной статье С. И. Ожегова (стр. 7).

⁴ Ср.: Н. М. Карпинский, Язык образованной части населения г. Вятки и народные говоры, «Уч. зап. [Ин-та языка

Социальное общение различных групп и слоев городского населения, различающегося по речевым навыкам, может с течением времени создать черты общего разговорного городского языка (койне, *langue commune*). Средства литературного языка как более богатой (развитой) и поэтому более «сильной» формы занимают в городском языке главную роль, а местные диалектизмы, обычно представленные здесь в смягченном виде, придают ему областную окраску. Именно такого типа региональные разновидности общего литературного языка оказывают воздействие на территории, тяготеющие в экономическом и культурном отношении к тому или иному городскому центру. Вследствие утраты наиболее ярких признаков местными диалектами, попавшими в состав языка города, областные варианты литературной речи горожан менее дробны и дифференцированы, чем местные диалекты на территориях, окружающих центр городской культуры. Условия жизни в больших городах «неизбежно приведут, конечно, к образованию однотипного разговорного языка города, параллельного, но не совпадающего с книжнолитературным»¹. Но вряд ли допустимо отрицать, что однотипность разговорной речи горожан достигается главным образом за счет победы объединяющих сил общего литературного языка. «Однотипный разговорный язык города» существует и будет существовать параллельно с книжнолитературным, не совпадая с ним хотя бы вследствие структурных различий устноразговорного и письменнокнижного типов речи.

В настоящее время города утрачивают свою роль единственных центров распространения норм русского литературного языка, и близость той или иной сельской местности к городу уже не является непрерывным условием воздействия литературного языка образованных горожан на речь носителей местных диалектов². Литературный язык распространяется через различные каналы, и под его воздействием возникает разные ступени приближения местной диалектной речи к общелитературной норме³. Воздействие это можно было бы назвать «взаимствованием», если бы с данным термином не связывались представления об отношениях между раз-

личными языками⁴. В среде сельского населения, пополняющегося большим количеством выходцев из различных городов, происходят такие же языковые процессы, которые прежде совершались лишь в крупных городских и промышленных центрах. Перестройка сельского хозяйства на основах передовой техники, подготовка квалифицированных кадров в учебных заведениях, создаваемых на местах, разнообразные формы приобщения народа к социалистической культуре решительно стирают различия между городом, на базе которого литературный язык развивался, и деревней с ее местными диалектами.

Местные диалекты безусловно исчезнут с полной ликвидацией противоположности между городом и деревней, с дальнейшим развитием социалистической культуры. Но есть основания полагать, что исчезновение это не будет бесследным. Национальная демократизация литературного языка еще не закончилась. Едва ли можно предсказать прекращение ее в скором будущем, а вместе с тем и приостановку пополнения литературного языка из тех «подземных» источников, о которых писал Ш. Балли⁵.

Академическая грамматика следующим образом уточняет перспективы развития русского литературного языка: «Русский язык создавался русским народом в течение веков, и в настоящее время многие русские люди, родившиеся и выросшие в той или иной диалектной среде, приобщившись к литературному языку, продолжают сохранять в своей речи некоторые местные особенности. Непрекращающийся процесс развития, обогащения и совершенствования русского языка не позволяет ему замкнуться в неизменные узкие рамки застывших правил. Однако функции языка как средства общения, роль его как формы общенациональной культуры требуют возможно большего единства языка, которое обеспечивается в первую очередь стабилизацией его грамматических норм»⁶. Эта стабилизация, конечно, не исключает возможностей дальнейшей демократизации литературного произношения или упрочения некоторых лексических черт, в настоящее время придающих литературной речи местных жителей областную окраску. Литературная форма языка превращается в общенародное достояние. Теперь уже никак нельзя утверждать вместе с Ф. Буслаевым, что «письменный» (собственно литературный. — Р. Г.)

и лит-ры Росс. ассоц. научно-исслед. ин-тов обществ. наук», т. III. Лингвистич. секция, М., 1928, стр. 43—46, 60—63; Е. И. Луилов, Из наблюдений над речью учащихся в школах II ступени Вятского края, «Труды Вятского научно-исслед. ин-та краеведения», т. III, 1927.

¹ Б. А. Ларин, указ. соч., стр. 69.

² См. В. Г. Орлова, Изменения в характере развития русского языка в связи с историей народа, ВЯ, 1953, № 1, стр. 68.

³ См. Р. И. Аванесов, Очерки русской диалектологии, ч. 1, М., 1949, стр. 12—13, 33—34, 200—201; см. также Н. М. Каринский, Очерки языка русских крестьян, М.—Л., 1936, стр. 71—75.

⁴ Ср. определение О. Бехателем литературного языка как «языка других» (*Sprache der Anderen*) для носителей крестьянских говоров (О. В e h a g h e l, *Geschichte der deutschen Sprache*, Berlin—Leipzig, 1928, стр. 182).

⁵ Ch. B a l l y, *Le langage et la vie*, Paris, 1926, стр. 16.

⁶ «Грамматика русского языка», т. I, М. Изд-во АН СССР, 1953, стр. 3—4; см. еще С. И. О ж е г о в, Основные черты развития русского языка в советскую эпоху, ИАН ОЛЯ, 1951, вып. 1, стр. 29—30.

язык выражает «многие понятия, стоящие вне круга народной мыслительности»¹.

Вопрос об областной окраске литературного языка должен быть рассмотрен конкретно-исторически, поскольку отношения между литературным языком и местными диалектами исторически изменчивы. В условиях сосуществования литературно обработанной и народноразговорной (диалектной) форм общенародного языка областная окраска создается преимущественно за счет проникновения в него отдельных местных диалектных элементов. С исчезновением местных говоров изменится и характер региональных вариантов литературного языка. Процесс интеграции неизбежно приведет к единству звуковых выражений², но, вероятно, не уничтожит всякие колебания в произношении. Мало вероятным кажется достижение полного единства в области лексики, всегда тесно связанной с особыми условиями быта местного населения, с характером природы края, с своеобразием местного экономического ландшафта и пр. Для слов, обозначающих реалии из этого предметного круга, нет соответствующих полных эквивалентов в словаре общелитературного языка, а поэтому их нельзя ставить рядом с лексическими диалектизмами со значением предметов, явлений, которые в литературном языке выражаются при помощи своих лексических средств (ср., с одной стороны, *гребтосвать* и *заботиться*, *беспокоиться*, а с другой — *глыба* «смерзшийся ком земли или навоза», *накедь* «вода, выступившая поверх льда зимой», и пр.)³.

Специфику этих слов и их отношение к московскому наречию (собственно к литературному языку) хорошо определил еще Ф. И. Буслаев, писавший: «Не надобно жаловаться на то, будто у нас не достает многих слов для выражения некоторых понятий о природе, напр. горной или приморской. Они у нас есть, и прекрасные, только рассеяны по разным концам России. И безрасудно было бы требовать, чтобы в московском наречии нашли мы слова для выражения явлений природы, бывающих на Урале или на берегах Охотского моря»⁴.

Локальные черты лексики сохраняются за счет слов, отражающих местный колорит

природы и быта и не являющихся собственно диалектизмами. Черты эти не поддаются пивелдровке, что обеспечивает устойчивость местной окраски литературного языка на различных территориях его распространения.

*

Вопрос о региональных явлениях в литературных языках признается тем более актуальным, что ему уделялось слишком мало внимания. По словам А. До́за «история областного французского языка пока еще никем не создана»⁵. Приходится признать, что и русский литературный язык почти не изучался в пространственной проекции, хотя некоторые идеи такого изучения были заложены еще И. И. Срезневским в его «Замечаниях о материалах для географии русского языка»⁶. Отсутствие научной традиции изучения русского литературного языка в его областных вариантах, изучения практики его использования многочисленными представителями советской интеллигенции затрудняют разработку методики наблюдений.

Мы полагаем, что примененный А. А. Шахматовым опыт описательной характеристики современного русского литературного языка в его живом звучании и вариациях, иногда переходящих за пределы литературной нормы, весьма плодотворен в работе над интересующей нас темой. Нужно только, руководствуясь столь характерным для Шахматова приемом широкого привлечения фактов живого речевого быта, рассматривать их в конкретных речевых стилях, в различных видах устной и письменной речи. Региональные черты речи людей, владеющих литературно-языковыми нормами, распределяются по речевым типам (письменная, устная речь) и более узко — по речевым стилям. Пределы же колебаний, допускаемых в той или иной стилиевой разновидности речи, различны. Они различны и в разных произносительных стилях (например, в четкой и медленной речи и в небрежной и быстрой речи).

Такой метод поможет уточнить специфические черты отдельных видов письменного и устного употребления, а также пределы возможных колебаний, сближающих с литературной нормой данную разновидность речи или отдаляющих речь от общелитературного «стандарта». Идя намеченным путем, можно установить, что пределы, например, фонетических колебаний в разных речевых стилях будут весьма различны. Само понятие литературной нормы получает при стилистически дифференцированном изучении литературной речи большую определенность и гибкость, которая столь необходима в оценке фактов, а также и в разработке нормативных предписаний.

Р. Р. Гельгардт

¹ Ф. И. Буслаев, О преподавании отечественного языка, Л., 1941, стр. 179.

² См. В. Г. Орлова, указ. соч., стр. 168.

³ Ср. Ф. П. Филин, Об областном словаре русского языка, «Лексикографический сборник», вып. II, М., 1957.

⁴ Ф. И. Буслаев, указ. соч., стр. 244. Ср. также у К. Зеленецкого: «...слова видимой природы, при множестве областных речений, составляют у нас обилие, какое трудно найти в других языках» (К. Зеленецкий, Исследование значения, построения и развития слова человеческого и приложение сего исследования к языку русскому, М., 1837, стр. 29).

⁵ А. До́за, История французского языка, М., 1956, стр. 436.

⁶ «Вестник Имп. Русского географич. об-ва», ч. 1, кн. 1, СПб., 1851.